

УДК 82-1

DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-2-138-148

Д. В. Долгушин

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

D_Dolgushin@mail.ru

**СЕКРЕТАРЬ В. А. ЖУКОВСКОГО
ВАСИЛИЙ КАЛЬЯНОВ ***

Статья посвящена решению одной из актуальных задач исследования позднего творчества и биографии В. А. Жуковского – изучению его окружения этого времени. Поскольку поэт провел последние годы своей жизни вдали от родины, в разлуке с прежними друзьями, его новые родные из семейства Рейтернов, немецкие знакомые и помощники оказались наиболее близкими ему людьми в этот период. Между тем биографии многих из них остаются почти совершенно неизвестными исследователям. Статья представляет собой попытку краткой реконструкции биографии одного из ближайших сотрудников Жуковского в последние годы жизни – его секретаря Василия Кальянова.

В. Я. Кальянов был крепостным управляющего Собственной Его Императорского Величества канцелярией А. И. Блока. Мучительно переживая свое крепостное состояние, он бежал от хозяина и поселился во Франкфурте на поруке принца Евгения Вюртембергского, надеясь выучиться какому-нибудь ремеслу. Здесь в 1844 г. с ним и познакомился Жуковский. 1 сентября 1847 г. он принял Кальянова к себе на службу переписчиком, а в 1848 г. доверил ему обязанности камердинера и секретаря. Жуковский был посаженным отцом на свадьбе Кальянова (1851 г.), крестным его первенца. Чтобы окончательно урегулировать правовой статус своего камердинера, поэт на собственные средства выкупил беглого крепостного на волю. Для этого ему пришлось приложить значительные усилия, задействовав даже свои придворные связи. Поэт стал для Кальянова «отцом и наставником», перед нравственным величием которого тот преклонялся. Кальянов ухаживал за Жуковским на смертном одре, на его руках поэт испустил последний вздох.

Преданно храня благодарную память о своем наставнике, Кальянов продолжал служить его осиротевшим родным. Своих старших детей Кальянов назвал в честь детей Жуковского Павлом и Сашей. П. В. Жуковский был крестным отцом его младшего сына Николая. Когда Жуковские в 1853 г. переехали из Франкфурта-на-Майне в Москву, Кальянов вернулся на родину вместе с ними. Здесь на него оказались возложены обязанности домашнего переводчика, так как ни остальная прислуга, состоявшая из немцев, ни Е. А. Жуковская, ни ее дети не говорили по-русски. После смерти Е. А. Жуковской в 1856 г. Кальянов остался жить в Москве, зарабатывая на жизнь сдачей квартир в доходном доме. Младшие же Жуковские в декабре 1856 г. уехали к своему опекуну в Петербург. Но Кальянов не терял с ними связи, поддерживая переписку.

Вероятно, в начале 1860-х гг. Кальянов и сам перебрался в столицу. В 1867–1868 гг. он, живя уже в Петербурге, помогал П. В. Жуковскому в работе над шестым изданием собрания сочинений В. А. Жуковского, исполняя обязанности секретаря и курьера; в 1883 г. сотрудничал с О. Миллером в подготовке юбилея поэта. Долгое время Кальянов следил за памятником на могиле Жуковского, ежегодно оплачивая сторожу работы по его уборке. На протяжении многих лет он по доверенности получал пенсию, назначенный императором детям Жуковского, и пересылал им его за границу. Жуковские, в свою очередь, не забывали о старом слуге.

В статье публикуются неизданные письма В. Я. Кальянова П. В. Жуковскому, добавляющие новые штрихи к истории отношений Кальянова с семейством поэта.

Ключевые слова: В. А. Жуковский, П. В. Жуковский, В. Я. Кальянов, русская литература первой половины XIX в.

* Работа выполнена при поддержке РФФИ (грант № 15-64-01001).

Одной из самых актуальных проблем исследования жизни и творчества В. А. Жуковского является изучение его окружения (см. [Киселева, 2011]). По известному выражению И. В. Гёте, «*Wer den Dichter will verstehen // Muss in Dichters Lande gehen*» – «кто хочет понять поэта, тот должен отправиться в его страну». Под «страной» этой следует понимать не только топографически определенное место и не только эстетически эксплицированное мировоззрение, но и круг общения, родственных и дружеских связей, в котором существует поэт. Такой круг хорошо выявлен и изучен для раннего Жуковского. Полноценное выявление и изучение его для позднего Жуковского – пока что дело будущего. Женившись в 1841 г. на немке Елизавете фон Рейтерн, поэт провел последние годы своей жизни вдали от родины, в разлуке с прежними друзьями, его новые родные из семейства Рейтернов, немецкие знакомые и помощники оказались наиболее близкими ему людьми в этот период. Новым для Жуковского был и уклад жизни, в который он погрузился, поселившись со своим семейством в Дюссельдорфе, а затем во Франкфурте-на-Майне и Баден-Бадене.

Образ жизни семейства Жуковских формировался на стыке традиций русской дворянской и немецкой дворянской среды. И для той, и для другой в первой половине XIX в. были характерны сходные процессы перехода от патриархальной к современной модели семейного поведения. Патриархальная расширенная или составная семья, в которой власть главы семейства распространялась на большой разнопоколенный коллектив родственников и домашней челяди, и в Германии, и в России вытеснялась малой нуклеарной семьей, состоящей только из супругов и их детей. В России большая семья была характерна для крестьянской среды, где ее существование обуславливалось экономическими причинами. Среди дворян она фактически исчезла уже в XVIII в. [Миронов, 2003. С. 257], но все же отдельные ее рудименты еще долго сохранялись.

Патриархальной семьей, например, была семья Буниных, в которой прошло детство Жуковского. Она вполне напоминает сообщество, описанное А. В. Бекасовой на примере «дома» графа П. А. Румянцева, в который входили близкие и дальние родственники и многочисленные «свои» люди – секретари, управляющие, приживалы, клиенты. «Каждый, кто считал себя принадлежащим к <...> “дому”, признавал патриархальную власть его главы и находился в той или иной степени зависимости от него» [Бекасова, 2006. С. 5].

В устройстве семейной жизни Жуковского можно обнаружить отдельные черты подобно-го уклада, но, конечно, сильно трансформированные. Женитьба на Елизавете, желание устроить быт «опрятно и комфортно» [Письма В. А. Жуковского..., 1895. С. 305] привели к появлению в домохозяйстве поэта довольно большого количества обслуги («людей»), включавшей повара, кухарку, горничных, слуг. Отношения с ними складывались патерналистски¹. Домашняя обслуга, как это и было принято в больших семьях, разделяла семейные радости и печали. Так, 18 ноября 1842 г. после крещения дочери Жуковский устроил праздничный обед специально для своих «людей» и «людей» Г. фон Рейтерна и очень переживал, что за общий стол отказался сесть повар – «единственное печальное обстоятельство в этот радостный день» [Жуковский, 2004. С. 270]. Иногда Жуковскому приходилось вмешиваться в отношения между «людьми» и разбирать их конфликты. Например, 8 (20) и 9 (21) января 1842 г. он записывает в дневнике: «Между людьми опять баталия», «утром разбор ссоры между кухаркой и прочими» [Там же. С. 267].

В то же время отношения Жуковского с «людьми» были лишены какого-либо авторитарно-деспотического оттенка, зачастую свойственного патриархальным семьям. Поэт умел сочетать отеческую заботу о стоящем ниже его на социальной лестнице человеке с деликатностью и уважением, что, безусловно, рождало ответный отклик в сердцах его домочадцев. Примером этого может быть история слуги Василия Кальянова, который был одним из самых близких Жуковскому людей в последние годы жизни. К настоящему времени вышла лишь одна публикация о Кальянове, подготовленная О. Б. Лебедевой и А. С. Янушкевичем, издавшими его краткие мемуары о Жуковском [В. А. Жуковский в воспоминаниях..., 1999.

¹ Это объясняется влиянием не только русской традиции. Такого рода отношения с домашней прислугой были общераспространенными в XVIII в. и в Германии. В течение XIX в. они постепенно вытеснялись отношениями «работодатель – работник», но в некоторых немецких землях сохранялись весьма долго (см.: [Sagatta, 1977. P. 379–380]).

С. 439–442]. Предлагаемая статья представляет собой попытку реконструкции основных вех в истории отношений Кальянова с семейством поэта.

Василий Яковлевич² Кальянов был крепостным управляющего Собственной Его Императорского Величества канцелярией А. И. Блока. Мучительно переживая свое крепостное состояние, он бежал от хозяина и поселился во Франкфурте-на-Майне на поруке принца Евгения Вюртембергского, надеясь выучиться какому-нибудь ремеслу [Письма В. А. Жуковского..., 1895. С. 307]. Здесь в 1844 г. с ним и познакомился Жуковский, в мае этого года переехавший из Дюссельдорфа в заречную часть Франкфурта.

1 сентября 1847 г. он принял Кальянова к себе на службу переписчиком, а в 1848 г. уже доверил ему обязанности камердинера и секретаря [В. А. Жуковский в воспоминаниях..., 1999. С. 439]. Судя по расписанию дня, сохранившемуся от этого года, для работы с Кальяновым поэт отводил ежедневно время с 15.00 до 16.00 (РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 77. Л. 36 об.).

В архивах Москвы и Петербурга сохранились многочисленные рукописи произведений Жуковского, переписанных рукою Кальянова. Особенно важной для Жуковского была помощь переписчика при подготовке 5-го издания полного собрания сочинений, работа над которым развернулась в 1849–1850 гг. Кальянов переписывал сочинения в прозе, предназначавшиеся для десятого (так и не вышедшего в свет) тома этого издания. На листах их черновой копии, выполненной Кальяновым, сохранились инструкции Жуковского, указывающие, как именно Кальянов должен располагать текст при переписывании: «NB Когда одна статья кончается на странице, следует переходить на другую» (РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 70-1. Л. 44), «каждую букву³ на новую страницу», «отделить статьи звездочками» (РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 70-2. Л. II).

Еще более Жуковский стал нуждаться в помощи Кальянова, когда с лета 1851 г. у него обострилась болезнь глаз, и по рекомендации врачей он был вынужден проводить почти все время в темной комнате с повязкой на глазах. На этот случай слепнувший поэт заранее приготовил приспособление, с помощью которого он мог писать вслепую, – «машинку» для письма карандашом большими буквами на листах плотной бумаги крупного формата. Самостоятельно прочитывать написанное для последующей редактуре он уже не мог – для него вслух читал Кальянов, который и вносил в текст необходимые правки под диктовку поэта (см., например, рукопись (РГБ. Ф. 104. Карт. 1. № 6)).

В это время Кальянов стал для Жуковского «и глазами для чтения, и рукою для письма» [Гиллельсон, 1979. С. 71; В. А. Жуковский в воспоминаниях..., 1999. С. 669]. Жуковский очень дорожил его помощью. Кальянов вспоминал: «...когда он, бедный, страдал болезнью глаз, он не мог даже писать писем; – но он диктовал, а я писал; – но адреса ему нужно было самому писать, потому что я тогда очень мало знал даже говорить по-немецки. Но я выучил французские письменные буквы, потому что В.<асилий> А.<ндреевич> писал адреса не немецкими, а французскими буквами; потом я с каждого написанного им адреса списывал или, вернее, срисовывал копию и хранил у себя, а впоследствии знал все адреса, и ему не нужно было самому писать. – И эту ничтожную услугу он ценил. Другой господин считал бы это за ничто» [В. А. Жуковский в воспоминаниях..., 1999. С. 439–440].

В 1851 г. Жуковский помог Кальянову получить разрешение на венчание [Письма В. А. Жуковского..., 1869. Стб. 93], стал посаженным отцом на его свадьбе и крестным его первенца [В. А. Жуковский в воспоминаниях..., 1999. С. 439], которого Кальянов назвал так же, как звали сына Жуковского, – Павлом (родившуюся позже дочь Кальянов назвал именем, которое носила дочь Жуковского, – Александра)⁴. Чтобы окончательно урегулировать правовой статус своего камердинера, поэт тогда же на собственные средства выкупил беглого крепостного на волю. Для этого ему пришлось приложить значительные усилия, задейство-

² Отчество Кальянова, до сих пор в исследовательской литературе не известное, устанавливается по письму П. В. Жуковского К. С. Сербиновичу от 27 ноября 1869 г. (РГИА. Ф. 1673. Оп. 1. № 295. Л. 1).

³ Для удобства переписывания Жуковский пронумеровал разделы статей с помощью латинских литер и цифровых индексов.

⁴ Любопытно, что и жену Кальянова звали так же, как жену Жуковского, – Елизаветой (и она тоже была немкой). Таким образом, набор имен в семьях того и другого совпадал: Василий, Елизавета, Павел, Александра.

вав даже свои придворные связи⁵. По возвращении в Россию Жуковский планировал и дальше покровительствовать Кальянову [В. А. Жуковский в воспоминаниях..., 1999. С. 439] и зондировал возможность зачислить его «в какую-нибудь категорию» при дворе великого князя.

Для Кальянова Жуковский стал «отцом и наставником» [Там же. С. 442], перед нравственным величием которого тот преклонялся. «Я всю жизнь искал человека, подобного В.<асилию> А.<ндреевичу>, – и хотя много видел очень добрых людей на земле, но подобного Василию Андреевичу еще не встречал» [Там же], – писал Кальянов в 1887 г.

Он ухаживал за Жуковским на смертном одре и фактически принял его последний вздох. Н. Докучаев, учитель детей А. М. Горчакова, посланный Горчаковым из Штутгарта в Баден для присутствия на похоронах Жуковского, основываясь на свидетельствах близких поэта, писал: «Василий Андреевич уже за 11 дней до своей смерти чувствовал ослабление сил и поэтому не испытывал сильных мучений болезни. В эти последние дни он иногда оказывал нетерпение в обращении с прислугой; но это было минутным явлением. Заметив неудовольствие слуги, он кротко говорил: “Прости меня, Василий. Ведь ты знаешь, что я ворчун. Если я сказал что-нибудь грубо, научи меня говорить иначе”. <...>

После, в разговоре с слугою, он сказал: “Василий, как только я умру, ты тотчас закрой мне глаза; если будет открыт рот, завяжи лицо платком. Это некрасиво, когда глаза и рот открыты, я видел таких некрасивых покойников много”.

И верный слуга с той минуты приготовил два гульдена⁶.

В пятницу, по полудни, В.<асилий> Анд.<реевич> впал в полу-бред, говорил несвязно. По 2-м часу по полуночи, Василий услышал тяжелые вздохи, позвал тестя Василия Андреевича, они, войдя в комнату, услышали тихий спокойный последний вздох его⁷» (ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1, ч. 2. № 1920. Л. 12, 13 об.).

Преданно храня благодарную память о своем наставнике, Кальянов продолжал служить его осиротевшим родным. Когда Жуковские в 1853 г. переехали из Франкфурта-на-Майне в Москву, Кальянов вернулся на родину вместе с ними. Здесь на него оказались возложены обязанности домашнего переводчика, так как ни остальная прислуга, состоявшая из немцев [Николаев, 1916. С. 456], ни супруга поэта Е. Жуковская, ни ее дети Александра и Павел не говорили по-русски. После смерти Е. Жуковской в 1856 г. Кальянов остался жить в Москве, зарабатывая на жизнь сдачей номеров в доходном доме.

Младшие же Жуковские в декабре 1856 г. уехали в Петербург, где жили под опекой своего дяди Александра фон Рейтерна (флигель-адъютанта Александра II). Александра оставалась здесь до конца апреля 1859 г., когда была отправлена в Германию к родственникам⁸. Павел же до 16 лет учился в Петербурге в Третьей гимназии, а затем, в 1861 г., был также отпущен за границу, где провел несколько лет⁹, занимаясь живописью. Кальянов не терял с детьми своего благодетеля связи, поддерживал переписку. На стенах его квартиры висели портреты В. А. Жуковского, Е. А. Жуковской и их дочери. П. В. Жуковский был крестным отцом его младшего сына Николая, родившегося 30 декабря 1856 г.

Вероятно, в начале 1860-х гг. Кальянов и сам перебрался в столицу. По крайней мере, известно, что в 1867–1868 гг. он, живя в Петербурге, помогал П. В. Жуковскому в работе над шестым изданием собрания сочинений В. А. Жуковского, исполняя обязанности его камердинера, секретаря и курьера. В относящейся к этому времени переписке П. В. Жуковского с К. С. Сербиновичем, участвовавшим в издании, постоянно встречается имя Кальянова (см.:

⁵ Переписку по этому поводу, которая велась через В. Д. Олсуфьева (см. [В. А. Жуковский. Чествование его памяти..., 1883. С. 74–76]).

⁶ Ср. описание этого же эпизода В. Кальяновым: [В. А. Жуковский в воспоминаниях..., 1999. С. 439].

⁷ Ср. описание этих же событий двоюродным братом жены Жуковского Христофором Рейтерном: «В полдень он лишился чувств – доктора сказали, что он проживет несколько дней. Ночью я сидел у его постели, – кроме меня еще камердинер Василий был в комнате больного – доктор спал в другой комнате. Больной дышал громко и лихорадочно – вдруг он умолк. – Василий побежал за доктором. Доктор нагнулся к больному и сказал: «все кончено». – Это было в час и тридцать семь минут утра» [Долгушин, 2010. С. 344].

⁸ См. ее письмо А. П. Петерсону от 29.04.1859 из Петербурга: (РГБ. Ф. 104. Карт. 2. № 186. Л. 2 – 3 об.).

⁹ Воспоминания П. В. Жуковского о несколько авантюрной истории его отъезда из Петербурга были записаны Б. Л. Модзалевским: [Дневник Б.Л. Модзалевского, 1999. С. 458–459].

(РГИА. Ф. 1661. Оп. 1. № 1078. Л. 4, 9; Ф. 1673. Оп. 1. № 295. Л. 1) и более поздние письма (РГИА. Ф. 1661. Оп. 1. № 1078. Л. 10 об., 11 об.)).

Летом-осенью 1871 г. разразился светский скандал, связанный с любовным романом между А. В. Жуковской и вел. кн. Алексеем Александровичем, из-за которого Александра Васильевна была выслана из страны (см.: [Белякова, 2004. С. 85–106]). П. В. Жуковский в знак протеста тоже покинул Россию. Приезды его на родину стали возможны только с началом нового царствования (вступивший на престол в 1881 г. Александр III еще с ранних юношеских лет являлся его другом), но были непродолжительными – в России П. В. Жуковский проводил примерно по два месяца в год, общаясь преимущественно в придворной и художественной среде (см. [Долгушин, 2016. С. 508]).

Кальянов и в это время продолжал заботиться о посмертной памяти В. А. Жуковского. В 1883 г. он сотрудничал с О. Миллером в подготовке столетнего юбилея поэта [В. А. Жуковский. Чествование его памяти..., 1883]. В 1885 г. Кальянов (либо по поручению Павла Васильевича, либо по собственной инициативе¹⁰) сделал копию с автографа рукописи Нового Завета в переводе Жуковского. В 1887 г. он записал свои воспоминания о В. А. Жуковском [В. А. Жуковский в воспоминаниях..., 1999. С. 439–442, 669]. Долгое время он следил за памятником на могиле В. А. Жуковского, ежегодно оплачивая сторожу работы по его уборке. На протяжении многих лет Кальянов по доверенности получал пожизненную пенсию (см.: [Дневник Б. Л. Модзалевского, 1999. С. 458–459]), назначенную П. В. Жуковскому, и пересылал ее ему за границу.

Незадолго до смерти Кальянов признавался П. В. Жуковскому: «...в ранней молодости я совсем не любил жизнь, – не видел в ней радости для простого народа. – Но с тех пор, как я поступил в дом Ваших незабвенных родителей, я полюбил ее и увидел, – что и для бедных людей есть радости на земле: Вы же, и добрая Баронесса¹¹, поддержали во мне эту любовь до последних дней» (РГБ. Ф. 104. Карт. 4. № 38. Л. 5 об.).

Ниже приводится текст трех писем В. Я. Кальянова П. В. Жуковскому, хранящихся в РГБ. Ф. 104. Карт. 4. № 38. Текст публикуется в новой орфографии, пунктуация приближена к современной с сохранением некоторых авторских особенностей.

*Л. 1 Милостивый Государь
Павел Васильевич!*¹

Благодарю Вас всепокорнейше за Ваше большое и ласковое письмо, и за добрую память о нас; – мы всякой раз так радуемся, когда от Вас получаем письма, что несколько дней идет в голове мысль, будто мы уже живем близко к Вам, и так близко, что мы уже слышим Ваш голос; – но это все происходит от того, что мы почти каждый день читаем Ваши, и доброй Александры Васильевны^{II}, письма. И так я рад, что Вы потолстели, хотя *Л. 1 об* и жалко, что пальто сделалось узко, но у пальто можно пуговицы переставить подальше, и даже можно другое сделать, дай Бог только, чтобы Вы полнели. – Я думаю, Вы слышали, что с портрета Вашего милого Папа снимали копию для Авдотьи Петровны Елагиной^{III}; для этого приходил к нам всякой день живописец Riss^{IV}, я часто стоял подле него и смотрел на его работу; и этот добрый человек подозревал что-то во мне: то ли, что я желал бы тоже портрет иметь, или то, что завидую тем людям, которые имеют счастье иметь всегда перед глазами портрет такого доброго человека. Он неожиданно меня обрадовал. Он срисовал также и для меня маленькой портрет с моего благодетеля, *Л. 2* хотя не красками, но довольно сходно, и подарил мне, как я обрадовался этому приятному подарку; – и теперь у меня висят портреты Ваших добрых родителей и Александры Васильевны, но только не имею моего милого Павла Васильевича, но я надеюсь, что Вы будете так милостивы и когда-нибудь мне доставите это счастье.

Lischen^V Вам будет в следующий раз писать, она это время была нездорова, но теперь, слава Богу, поправляется; – крестник Ваш^{VI} здоров, веселенький и уже смеется, вчера ему

¹⁰ Возможно, это был подарок, сделанный В. Кальяновым к сорокалетию П. В. Жуковского. Подробнее см.: [Долгушин, 2016. С. 508].

¹¹ Имеется в виду А. В. Жуковская, в замужестве баронесса Вёрман.

было 6 недель и он был в церкви и приобщался Святых Таин. – Павел и Саша ^{VII} также здоровы и все вспоминают *gäste Paul und Satscha* ¹².

Л. 2 об. Поклонитесь, пожалуйста, очень низко от меня Александре Васильевне.

Будьте так добры, пишите и радуйте по-прежнему искренне Вас любящего и нижайшего слугу

Василия.

Москва

4 февраля 1857 г.

Л. 3 Милостивый Государь
Добрый Павел Васильевич!

Примите от меня и от моего семейства поздравление с днем Вашего Ангела ^{VIII}; как жалко и грустно, что я не могу по-прежнему поздравить Вас лично, и полюбоваться на Вас глядя – но надеюсь, что Бог приведет мне когда-нибудь опять Вас увидеть. – А также приношу Вам, добрый Павел Васильевич, много-много благодарности, за Ваше милое письмо, которое меня очень обрадовало, потому, что в нем видно, как Вы можете говорить по-русски ^{IX}, это *Л. 3 об.* доказывает, что Вы хорошо занимаетесь, и очень обрадовало потому, что я увидел, как Вы добры ко мне, и даже позволяете мне, в случае трудности, прибегнуть к Вам искать помощи, но я уже так много получивший милости от Вас, – желал бы, чтобы Вас более не беспокоить.

Вы желали знать, где теперь М. Н. Павлова ^X, – я недавно их встретил и сказал им, что Вы об них вспоминаете – они живут с Сашей у сестрицы Марии Николаевны на Якиманке, которая очень больна. – Вы также спрашивали, добрый Павел Васильевич, о моих родных; они пишут ко мне, что слава Богу здоровы, но теперь ко мне в гости не могут приезжать, потому, что это для *Л. 4* нас в это время, дорого стоит; может быть со временем, ежели мои дела будут идти лучше, то я их возьму ко мне. Теперь я хлопочу, чтобы умножить мою квартиру, потому что, имея 5 номеров, никак нельзя получить столько дохода, чтобы можно было быть не в нужде; а жильцы мои очень довольны, а также и некоторые посторонние берут кушанье к себе на дом; и даже хозяин дома предлагает мне взять другую половину этажа, но состояние мое заставляяет меня пообдумать, как приступить к этому делу.

Дай Бог провести лето весело и быть здоровыми, а также и всем, с кем Вы живете; добрый Дяденька ^{XI} писал мне, что Вы будете лето жить в Петергофе, – там *Л. 4 об.* верно Вам очень весело. – От доброй Александры Васильевны мы не имеем еще никакого известия. – Будьте так милостивы, добрый Павел Васильевич, обрадуйте опять Вашим письмецом.

Lischen, Павел, Саша и крестник Николай ^{XI}, который уже бегаёт, и такой забавный мальчик, Вам кланяются и сожалеют тоже, что не могут Вас видеть.

С истинным почтением и совершенною преданностию имею честь быть

Вас многолюбящий
и всенижайший слуга
Василий Кальянов

Москва

27 июня 1858 года

Л. 5 Милостивый Государь
Добрый Павел Васильевич!

Зная Ваше мягкое и доброе сердце, принимающее во всем сожаление и участие; – не хотелось раньше времени все рассказывать. – Но теперь нахожу даже необходимым высказать для лучшего в будущем. Последнее время я стал прихварывать понемногу, понемногу, – но болезнь моя увеличилась до того, что Добужинский ^{XIII} счел нужным показать меня Док-

¹² Гостей Павла и Сашу. – нем.

тору Бертенсону^{XIV}. – Указаниями которого, вот уже 4 недели, я и пользуюсь, – но к лучшему не предвидится, – болезнь называют катарром.

А потому и прошу Вас, наш добрый Павел Васильевич, 1-го ноября написать доверенность на получение Вашей пенсии^{XV} на имя Лизхен, то есть: доверяю получить жене московского мещанина Елизавете Кальяновой. А я здесь засвидетельствую ее личность. – И надеюсь, это исполнится, как было и мною, и вышлетя к Вам тем же порядком; и так может продолжаться *Л. 5 об.* и вперед, – если Вы не имеете кому передать это поручение или если Вы это желаете. Я об этом напишу и Баронессе^{XVI}. – Я пока еще не лежу в постели, – но может и это случится. Как грустно все это писать тому, – кому хотелось бы еще долго с любовью и радостью послужить, – и кому так много обязан вечною благодарностию за постоянные милости, и наконец кто поддерживал во мне любовь к жизни. Ибо в ранней молодости я совсем не любил жизнь, – не видел в ней радости для простого народа. – Но с тех пор, как я поступил в дом Ваших незабвенных родителей, я полюбил ее и увидел, – что и для бедных людей есть радости на земле: Вы же, и добрая Баронесса, поддержали во мне эту любовь до последних дней.

Новый футляр на памятник Ваших незабвенных родителей теперь готов и сделан хорошо, и даже я нашел мастера, – который исправил одну ошибку на памятнике. Когда ставили памятник, Граф Блудов^{XVII} показал день рождения В.<асилия> А.<ндреевича> в 1781 году, а следовало в 1783 году. Один гранитель исправил и довольно хорошо эту ошибку. – А то в прошлое *Л. 6* лето, как говорит сторож, – один господин, посетив кладбище, заметил ему, что это показано на памятнике неверно.

Сторожу платилось за разборку и уборку памятника ежегодно в конце года 5 рублей. И я вчера ему уплатил 5 рублей по 1-е января 1896 года.

Примите, добрый наш Благодетель, искреннее пожелание, чтобы Господь хранил Вас долго на земле и воздал Вам за нас свою милость.

Искренне Вас любивший и преданный слуга
Василий Кальянов

С. Петербург
19-е октября 1895 года

Комментарии

^I ...*Павел Васильевич*... П. В. Жуковский (1845–1912) – сын поэта, в будущем шталмейстер двора, художник.

^{II} ...*и доброй Александры Васильевны*... А. В. Жуковская (1842–1899) – дочь поэта, родная сестра П. В. Жуковского.

^{III} ...*для Авдотьи Петровны Елагиной*. А. П. Елагина (1789–1877) – сводная племянница и близкий друг В. А. Жуковского.

^{IV} ...*живописец Riss*... Франц Николаевич Рисс (1804–1886) – известный российский художник-портретист французского происхождения. За портрет В. А. Жуковского, выполненный в 1833 г., он был тогда же удостоен звания академика портретной живописи. Видимо, этот портрет он и приходил копировать в 1857 г.

^V ...*Lischen*... Жена Кальянова Елизавета, немка, на которой он женился в Бадене в 1851 г.

^{VI} ...*крестник Ваш*... Младший сын Кальянова Николай.

^{VII} ...*Павел и Саша*... Дети Кальянова.

^{VIII} ...*с днем Вашего Ангела*... П. В. Жуковский был назван в честь апостола Павла (его отец прямо сообщает об этом в письме наследнику престола [Жуковский, 1885. С. 480]), следовательно, праздновал день Ангела на праздник Петра и Павла, 29 июня (12 июля).

^{IX} ...*Вы можете говорить по-русски*... Поскольку до смерти матери дети В. А. Жуковского постоянно находились в немецкой языковой среде, они почти не говорили по-русски.

^X ...*М. Н. Павлова*... Мария Николаевна Павлова, гувернантка А. В. Жуковской. О ней упоминает Александр фон Рейтерн в письме А. А. Толстой от 26 декабря 1856 г. из Петербурга. Рассказывая ей о том, как чувствуют себя Саша и Павел Жуковские спустя месяц по-

сле смерти матери, он пишет: «Les enfants, devant encore garder le chambre après leurs maladie, sont restés avec Mme Pavloff et mon frère Basile à Moscou d'où je les attends vers la fin de cette semaine <...>».

Les enfants seront pour le moment chez moi sans gouverneur ni gouvernante car Mme Pavloff ne se décide pas à quitter Moscou, quoiqu'elle ait promis à Elisabeth de ne pas séparer de sa fille, au moins pendant cet hiver; elle prétend que sa faible santé, et son caractère porté à la tristesse ne lui permettent de surveiller, comme il le faudrait, l'éducation de Sacha»¹³ (РГБ. Ф. 104. Карт. 3. № 12. Л. 1 об., 2).

^{XI} ...*Дяденька писал мне...* Дяденька – брат Елизаветы Жуковской Александр фон Рейтерн (1824 – 1879), флигель-адъютант императора Александра II.

^{XII} *Lischen, Павел, Саша и крестник Николай...* Жена и дети В. Кальянова.

^{XIII} ...*Добужинский...* Возможно, Евстафий Петрович Добужинский (1840–1904) – хирург, дядя знаменитого художника, врач герцога Ольденбургского. Может быть, П. В. Жуковский, пользуясь своими дворцовыми связями, попросил его проконсультировать Кальянова.

^{XIV} ...*Доктору Бертенсону.* Бертенсон – вероятно, Лев Бернардович Бертенсон (1850–1929), врач, пользовавшийся большой популярностью в Петербурге в конце XIX в. Имел множество знакомств в музыкальных и литературных кругах – в том числе был знаком с Ф. М. Достоевским, И. С. Тургеневым, П. И. Чайковским, Н. А. Римским-Корсаковым, А. П. Бородиным, М. П. Мусоргским. Но возможно и то, что имеется в виду его брат Василий Бернардович Бертенсон (1853–1933), личный врач П. И. Чайковского.

^{XV} ...*Вашей пенсии...* За П. В. Жуковским по указу императора Александра II была сохранена пенсия его отца – сначала до совершеннолетия, а затем, по достижении совершеннолетия, и пожизненно [Дневник Б. Л. Модзалевского, 1999. С. 458–459].

^{XVI} ...*напишу и Баронессе.* Имеется в виду А. В. Жуковская, в замужестве баронесса Вёрман.

^{XVII} *Граф Блудов...* Д. Н. Блудов (1785–1864) участвовал в специальной комиссии, созданной друзьями Жуковского для установки ему памятника на кладбище Александро-Невской Лавры. Именно по его настоянию памятник был сделан, как считал Блудов, в раннехристианском виде, по образцу гробницы Ярослава Мудрого в Киеве (см. письмо И. В. Киреевского Е. А. Жуковской от 10 мая 1855 г. (РГБ. Ф. 104. Карт 4. № 7а. Л. 3–6)).

Список литературы

Бекасова А. В. Семья, родство и покровительство в России XVIII в.: домовое подданство графа П. А. Румянцева: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006. 24 с.

Белякова З. Великий князь Алексей Александрович. За и против. СПб.: Logos, 2004. 232 с.

В. А. Жуковский в воспоминаниях современников / Сост., подгот. текста, вступ. ст. О. Б. Лебедевой, А. С. Янушкевича. М.: Наука, Школа «Языки русской культуры», 1999. 726 с.

В. А. Жуковский. Чествование его памяти в С.-Петербурге 29 и 30 января 1883 года. Издание Н. И. Стояновского. СПб., 1883. 83 с.

Гиллельсон М. И. Переписка П. А. Вяземского и В. А. Жуковского (1842–1852) // Памятники культуры: Ежегодник. 1979. Л.: Наука, 1980. С. 34–75.

Дневник Б. Л. Модзалевского, 1908 г. / Публ., [вступ. ст. и примеч.] Т. И. Краснобородько // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1999. Т. 9. С. 450–465.

Долгушин Д., свящ. «Кончина Жуковского, кончина праведника...» (кончина В. А. Жуковского в свидетельствах протоиерея Иоанна Базарова, Е. А. Жуковской и Х. Х. Рейтерна) // Жуковский: Исследования и материалы / Ред. А. С. Янушкевич, И. А. Айзикова. Томск: Изд-во ТГУ, 2010. С. 322–348.

¹³ «Дети, которые еще не оправились от болезни и не могут выходить на улицу, остались с г-жой Павловой и моим братом Василием в Москве, откуда я их жду к концу этой недели <...>».

Дети пока что будут жить у меня без гувернера и гувернантки, так как г-жа Павлова не решила покинуть Москву, хотя она и обещала Елизавете не оставлять ее дочь по крайней мере на эту зиму; она утверждает, что слабое здоровье и охватившая ее печаль не позволяют ей следить как следует за воспитанием Саши» – *фр.* (пер. Д. В. Долгушина).

Долгушин Д. В. Новый Завет в переводе В. А. Жуковского // Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем / Ред. Д. В. Долгушин, А. С. Янушкевич. М.: ИД ЯСК, 2016. Т. 11 (второй полутом). С. 467–517.

Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем / Сост. и ред. О. Б. Лебедева, А. С. Янушкевич. М.: Языки славянской культуры, 2004. Т. 14: Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1834–1847. 768 с.

Жуковский В. А. Соч. / Под ред. И. А. Ефремова. 8-е изд. СПб., 1885. Т. 6. 640 с.

Киселева Л. Н. Проблема изучения биографического контекста (окружение Жуковского) // *Euroa Orientalis*. 2011. № 17. С. 161–171.

Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XIX в.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 1. 545 с.

Николаев А. Н. Зонтаг, Анна Петровна // *Русский биографический словарь*. Жабокритский – Зяловский. Пг., 1916. С. 451–463.

Письма В. А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу. М., 1895. 322 с.

Письма В. А. Жуковского протоиерею И. И. Базарову // *Русский архив*. 1869. Т. 1. Стб. 81–100.

Sagarra E. A Social History of Germany. 1648–1914. New Brunswick, London: Transaction Publ., 2009. 504 p.

Список архивных материалов

ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1, ч. 2. № 1920.

РГБ. Ф. 104. Карт. 1. № 6; Карт. 2. № 186; Карт. 3. № 12; Карт. 4. № 7а, 38.

РГИА. Ф. 1661. Оп. 1. № 1078; Ф. 1673. Оп. 1. № 295.

РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 70-1, 70-2, 77.

Материал поступил в редколлегию 20.02.2018

D. V. Dolgushin

*Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

D_Dolgushin@mail.ru

V. A. ZHUKOVSKY'S SECRETARY VASILY KALYANOV

The paper examines the late period of V. A. Zhukovsky's work and biography. The poet spent the last years of his life far from his homeland, separated from old friends, so his new family (Reitern's family), German friends and helpers were closest to him people in this period. Meanwhile, many of them remain almost completely unknown to researchers. The aim of this paper is to give a brief reconstruction of the biography of one of the closest associates of Zhukovsky in the last years of his life – his Secretary Vasiliy Kalyanov.

Vasiliy Kalyanov was a serf of A. I. Blok, the manager of His Imperial Majesty's Own Chancellery. Painfully reliving his serfdom, he fled from his master and settled in Frankfurt on the responsibility of Prince Eugene of Württemberg, hoping to learn some trade. There in 1844 he made acquaintance with Zhukovsky. On 1 September 1847, he took Kalyanov to his service as a scribe, and in 1848 entrusted him with the duties of Valet and Secretary. Zhukovsky was the best man at the wedding of Kalyanov (1851), the godfather of his first child. To finally regulate the legal status of his Valet, poet at his own expense bought the fugitive serf and liberated him. To do this he had to make considerable efforts. The poet became «father and mentor» for Kalyanov, who admired the moral greatness of Zhukovsky. Kalyanov nursed Zhukovsky on his deathbed, and in his hands the poet breathed his last.

Faithfully preserving a grateful memory of his mentor, Kalyanov continued to serve his orphaned family. Kalyanov's older children were named in honor of Zhukovsky's children Paul and Sasha. P. V. Zhukovsky was the godfather of Kalyanov's younger son Nicholas. When Zhukovsky's family moved from Frankfurt to Moscow in 1853, Kalyanov returned to homeland with them. Here, he was responsible home translator because nor the rest of the servants, consisting of the Germans, nor E. A. Zhukovskaya, nor her children spoke no Russian. After the death of E. A. Zhukovskaya in 1856 Kalyanov left to live in Moscow, earning a living from renting apartments in the apartment house. Younger Zhukovsky went to see their guardian in Petersburg in December 1856. But Kalyanov did not lose contact with them, supporting correspondence.

Kalyanov moved to the capital in the early 1860s probably. In 1867–1868 he, already living in St. Petersburg, he helped P. V. Zhukovsky as the Secretary and the courier, working on the sixth edition of the collected works of V. A. Zhukovsky. In 1883 he collaborated with O. Miller in the preparation of the anniversary of the poet. Kalyanov took care about the monument at the grave of Zhukovsky, paying annually to the watchman work on his cleaning. For many years he would receive a pension, appointed by the Emperor children Zhukovsky, and send them abroad. Zhukovskie in turn did not forget their old servant.

The paper contains unpublished V. Kalyanov's letters addressed to P. V. Zhukovsky. They add new touches to the history of Kalyanov's relations with the family of the poet.

Keywords: V. A. Zhukovsky, P. V. Zhukovsky, V. J. Kalyanov, Russian literature of the first half of the 19th century.

References

Bekasova A. V. Sem'ya, rodstvo i pokrovitel'stvo v Rossii XVIII v.: domovoe poddanstvo grafa P. A. Rumyantseva [Family, Kinship and Patronage in Russia in the 18th Century: Domestic Citizenship of Count P. A. Rumyantsev]. Cand. Hist. Sci. Syn. Diss. St. Petersburg, 2006, 24 p. (in Russ.)

Belyakova Z. Velikii knyaz' Aleksei Aleksandrovich. Za i protiv [Grand Duke Aleksei Aleksandrovich. Pro et contra]. St. Petersburg, Logos, 2004, 232 p. (in Russ.)

Dnevnik B. L. Modzalevskogo, 1908 g. [Diary of B. L. Modzlevsky, 1908] Ed. by T. I. Krasnoborod'ko. *Rossiiskii Arkhiv: Istoriya Otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh XVIII–XX vv.: Al'manakh*. Moscow, Studiya TRITE; Ros. Arkhiv, 1999, vol. 9, p. 450–465. (in Russ.)

Dolgushin D. V. Novyi Zavet v perevode V. A. Zhukovskogo [The New Testament in the translation of V. A. Zhukovsky]. *Zhukovskii V. A. Polnoe sobranie sochinenii i pisem*. Ed. by D. V. Dolgushin, A. S. Yanushkevich. Moscow, Izdatel'skii dom YaSK, 2016, vol. 11, p. 467–517.

Dolgushin D., svyashch. «Konchina Zhukovskogo, konchina pravednika...» (konchina V. A. Zhukovskogo v svidetel'stvakh protoiereya Ioanna Bazarova, E. A. Zhukovskoi i Kh. Kh. Reiterna) [«The death of Zhukovsky, the death of the righteous» (the death of V. A. Zhukovsky in the testimonies of Archpriest John Bazarov, E. Zhukovskaya and Ch. Ch. Reitern)]. *Zhukovskii: Issledovaniya i materialy*. Ed. by A. S. Yanushkevich, I. A. Aizikova. Tomsk, Tomsk State Uni. Press, 2010, p. 322–348. (in Russ.)

Gillel'son M. I. Perepiska P. A. Vyazemskogo i V. A. Zhukovskogo (1842–1852) [Correspondence of P. A. Vyazemsky and Zhukovsky (1842–1852)]. *Pamyatniki kul'tury: Ezhegodnik*, 1979, Leningrad, Nauka, 1980, p. 34–75. (in Russ.)

Kiseleva L. N. Problema izucheniya biograficheskogo konteksta (okruzhenie Zhukovskogo) [The problem of studying the biographical context (the environment of Zhukovsky)]. *Europa Orientalis*, 2011, no 17, p. 161–171. (in Russ.)

Mironov B. N. Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XIX vv.): Genezis lichnosti, demokraticheskoi sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva [Social history of Russia during the period of the empire (18th – early 19th centuries.): The genesis of the individual, democratic family, civil society and the rule of law]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin, 2003, vol. 1, 545 p. (in Russ.)

Nikolaev A. N. Zontag, Anna Petrovna [Zontag, Anna Petrovna]. *Russkii biograficheskii slovar'. Zhabokritskii – Zyalovskii*. Petrograd, 1916, p. 451–463. (in Russ.)

Pis'ma V. A. Zhukovskogo k Aleksandru Ivanovichu Turgenevu [Letters of V. A. Zhukovsky to A. I. Tourgenyev]. Moscow, 1895, 322 p. (in Russ.)

Pis'ma V. A. Zhukovskogo protoiereyu I. I. Bazarovu [Letters of V. A. Zhukovsky to Archpriest John Bazarov]. *Russkii arkhiv*, 1869, vol. 1, column 81–100. (in Russ.)

Sagarra E. A Social History of Germany. 1648–1914. New Brunswick, London, Transaction Publishers, 2009, 504 p.

V. A. Zhukovskii v vospominaniyakh sovremennikov [Zhukovsky in the memoirs of his contemporaries]. Ed by O. B. Lebedeva, A. S. Yanushkevich. Moscow, Nauka, Shkola «Yazyki russkoi kul'tury», 1999, 726 p. (in Russ.)

V. A. Zhukovskii. Chestvovanie ego pamyati v S.-Peterburge 29 i 30 yanvarya 1883 goda. Izdanie N. I. Stoyanovskogo [V. A. Zhukovsky. Honoring his memory in St. Petersburg on January 29 and 30, 1883]. St. Petersburg, 1883, 83 p. (in Russ.)

Zhukovskii V. A. Sochineniya. [Works]. Ed. By I. A. Efremov. St. Petersburg, 1885, vol. 6, 640 p. (in Russ.)

Zhukovskii V. A. Polnoe sobranie sochinenii i pisem [Complete works and letters]. Ed. by O. B. Lebedeva, A. S. Yanushkevich. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004, vol. 14: The Diaries. Letters-diaries. Notebooks. 1834–1847, 768 p. (in Russ.)

Archives

GARF [State Archives of the Russian Federation]. Stock 728. List 1, part 2. Dossier 1920. (in Russ.)

RGB [Russian State Library]. Stock 104. List 1. Dossier 6; List 2. Dossier 18b; List 3. Dossier 12; List 4. Dossier 7a, 38. (in Russ.)

RGIA [Russian State Historical Archive]. Stock 1661. List 1. Dossier 1078; Stock 1673. List 1. Dossier 295. (in Russ.)

RNB [Russian National Library]. Stock 286. List 1. Dossier 70-1, 70-2, 77. (in Russ.)